

Френсис Скотт Фицджеральд

ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ

ГЛАВА 1

В мои более молодые и более восприимчивые годы мой отец дал мне один совет, который у меня не выходит из головы с тех пор.

— Как только ты почувствуешь желание осудить кого-либо, — сказал он мне, — просто вспомни, что ни у кого в этом мире не было тех преимуществ, какие были у тебя.

Больше он ничего не сказал, но мы всегда были необычайно красноречивы в нашем немногословии, и я понял, что он имел в виду гораздо больше, чем сказал. Вследствие этого я склонен сдерживать все свои суждения, и эта привычка обрушила на меня откровенность многих странных душ, а также сделала жертвой немалого количества профессиональных зануд. Человек, которому неведомы нормы приличий, быстро распознает и привязывается к этому качеству, когда оно проявляется в нормальном человеке, и поэтому случилось так, что в колледже меня несправедливо обвиняли в интриганстве, потому что я был посвящен в тайные горести каких-то совершенно случайных, незнакомых мне людей. Большинство

этих откровений были непрошеными: часто я делал вид, что хочу спать, что занят или изображал отстраненное легкомыслие, когда определял по некоторому безошибочному признаку, что впереди меня ожидало очередное доверительное откровение, так как доверительные откровения молодых людей, или, по крайней мере, те слова и фразы, с помощью которых они открывают свои секреты, как правило, шаблонны и грешат очевидной недосказанностью. Быть сдержанным в суждениях — значит иметь бесконечную надежду. Я до сих пор еще боюсь упустить что-то из доверяемого моим ушам, если забываю, что, как говорил мой отец-сноб, и я, как сноб, повторяю, чувство элементарных приличий выдается каждому при рождении неодинаково.

И вот, похваставшись таким образом своей терпимостью, я прихожу к допущению, что и она имеет свой предел. Поступки человека могут иметь железобетонные основания или тонуть в топких болотах, однако на каком-то этапе мне становится уже неинтересно знать, на чем они основаны. Когда я вернулся с Востока прошлой осенью, я готов был одеть весь мир во что-то типа нравственной униформы и дать ему неотменимую команду «смирно!»; я уже устал от всех этих необузданных экскурсий в человеческое сердце с эксклюзивным правом осмотра достопримечательностей. И только

Гэтсби, — человек, именем которого названа эта книга, не вызывал во мне такой реакции; Гэтсби, который был олицетворением всего, к чему я испытывал искреннее презрение. Если личность представляет собой непрерывный ряд рассчитанных на внешний эффект и достигающих своей цели жестов, тогда в нем было что-то незаурядное, какая-то повышенная чувствительность к посулам жизни, будто он имел связь с одним из тех хитроумных устройств, которые регистрируют землетрясения на расстоянии десяти тысяч миль. Эта восприимчивость не имела ничего общего с той вялой впечатлительностью, которая удостоена названия «творческий темперамент»; это был необыкновенный дар способности к надежде, романтической готовности к успеху, какого я ни разу не встречал ни в одном человеке и, наверно, никогда уже не встречу. Нет, Гэтсби оказался достойным этого дара в конце; просто тот шлейф, который тянулся за Гэтсби, вся та грязная пыль, которую он поднял в воздух, идя за своими мечтами, — все это временно ликвидировало мой интерес к бесплодным скорбям и мимолетным восторгам людей.

Мои близкие — известные состоятельные люди, третье поколение которых уже живет в этом городе на Среднем Западе. Семейство Каррауэй

представляет собой нечто наподобие клана со своим преданием, которое гласит, что мы приходим от герцогов Бакклу, однако фактическим основателем моей родословной был брат моего деда, который прибыл сюда в пятьдесят первом, послал на Гражданскую Войну вместо себя заместителя и основал компанию по оптовой торговле скобяными изделиями «J», которую мой отец продолжает возглавлять сегодня.

Я ни разу не видел этого моего двоюродного деда, но я, надо полагать, был похож на него, особенно если посмотреть на портрет того довольно крутого парня, который висит в кабинете моего отца. Я окончил Нью Хэйвен в 1915-м, ровно через четверть века после моего отца, а спустя еще немного времени принял участие в том запоздалом тевтонском переселении, которое известно как Первая мировая война. Мне настолько понравилось ходить в контратаки, что, вернувшись домой, я почувствовал себя не в своей тарелке. Перестав быть уютным центром мира, Средний Запад теперь стал похож на потрепанный край вселенной, поэтому я решил отправиться на Восток, чтобы научиться торговле облигациями. Все, кого я знал, занимались торговлей облигациями, и я подумал, что это занятие вполне могло бы обеспечить еще одного холостяка. Все мои тети и дяди обсуждали между собой это так подробно, будто подбирали

для меня приготовительную школу, и, наконец, дали свое «добро», сказав: «Ну что ж, пусть попробует, если ему хочется» с очень серьезными, полными скепсиса лицами. Отец согласился заплатить за один год моего обучения, и после отсрочек по самым разным поводам я прибыл на Восток, как я думал, на постоянное жительство весной двадцать второго года.

Нужно еще было найти в городе комнаты, чтобы снять, но время года было теплое, и я совсем недавно прибыл из сельской местности с ее широкими газонами и ветвистыми деревьями, так что когда один молодой парень из офиса предложил мне снять дом на двоих в пригороде, эта идея мне показалась великолепной. Он нашел такой дом — потрепанный бунгало из гипсокартона за восемьдесят в месяц, но в последнюю минуту фирма откомандировала его в Вашингтон, и я отправился в пригород один. У меня были: пес — по крайней мере, несколько дней, пока не сбежал, — а также старенький «Додж» и одна финка, которая стирала мне постельное белье и готовила завтраки, а также бурчала себе под нос что-то по-фински, воркуя над электрической плитой.

Мое одиночество длилось примерно с день, может быть, чуть больше, до тех пор, пока однажды

утром меня не остановил на дороге один человек, прибывший в эту местность немного позже меня.

— Как добраться до поселка Уэст-Эгг? — беспомощно спросил он.

Я объяснил ему. И с той минуты мой путь перестал быть одиноким. Я был уже проводником, кормчим, местным жителем. Он случайно дал мне ощутить всю удивительную привольность этой местности.

И, таким образом, сияющий солнечный свет и быстро распускающаяся, как в быстрой киноленте, листва на деревьях вернули мне то уже знакомое убеждение, что с наступлением лета жизнь начинается заново.

Первым делом мне нужно было очень много прочитать и очень много здоровья почерпнуть из этого вибрирующего юной жизнью, животворящего воздуха. Я купил с десятков книг по банковскому делу, кредиту и инвестиционным ценным бумагам, и они стояли у меня на полке ровным рядом с красными корешками с позолотой, будто только что отпечатанные новые банкноты, обещаая раскрыть передо мной выдающиеся секреты, о которых знали только Мидас, Морган и Меценат. И у меня было твердое намерение прочесть еще много других книг помимо этих. В колледже я считался человеком с довольно незаурядными литературными способностями; однажды я написал серию

банальных, отвечавших всем правилам жанра передовиц для «Новостей Йейля», и теперь собирался вернуть в свою жизнь все это и снова стать самым ограниченным из всех специалистов, то есть, «всесторонне образованным человеком». И это не только остроумие: жизнь на самом деле гораздо успешнее поддается описанию, если наблюдать за ней из одного окна.

По чистой случайности я снял дом в одном из самых необычных и странных населенных пунктов в Северной Америке. Он стоял на том узком и богатом растительностью острове, который простирается на восток от Нью-Йорка и который в числе прочих природных достопримечательностей имеет два выступающих участка суши необычной формы. На расстоянии двадцати миль от города пара огромных яйцеобразных кусков суши, одинаковых по форме и отделенных друг от друга всего лишь одной бухтой, которую можно считать условностью, выступает в самую внутреннюю часть океана в Западном полушарии, — в большую морскую помойку, какой является пролив Лонг-Айленд. Это не идеальные овалы, как у яйца в истории с Колумбом, — они оба сплющены со стороны контакта, — однако их физическая схожесть, должно быть, является причиной вечной путаницы для чаек, летающих над ними. Для бескрылых же более привлекательным феноменом

является их несхожесть во всем, кроме формы и размеров.

Я жил на Уэст-Эгге — менее фешенебельном из двух этих яйцеобразных выступов, хотя слова «менее фешенебельный» — характеристика, весьма поверхностно передающая неестественный и достаточно зловещий контраст между ними. Мой дом стоял на самой вершине «яйца», всего в пятидесяти ярдах от берега Пролива, будучи зажат между двумя огромными поместьями, которые сдавались в аренду за двенадцать или даже пятнадцать тысяч за сезон. Поместье справа от меня было поистине колоссальным по всем меркам — это была настоящая копия какого-нибудь Hotel de Ville в Нормандии, с башней на одной стороне, сияющей новизной отделки из-под редкой свисающей бородки из плюща, и бассейном из мрамора, а также с газонами и садом на более чем сорока акрах земли. Это был особняк Гэтсби или же, поскольку я еще не знал мистера Гэтсби, особняк, в котором жил человек, носивший это имя. Дом, в котором жил я, был уродливым объектом, но это был очень маленький уродец, поэтому его просто не заметили, в результате чего я имел из своих окон вид на воду, частично на газон моего соседа и утешительное соседство с миллионерами, и все это за восемьдесят долларов в месяц.

По другую сторону условной бухты на водной

глади вдоль берега блестели ослепительно белые дворцы фешенебельного Ист-Эгга, и история событий этого лета на самом деле берет начало с того вечера, когда я поехал туда, чтобы пообедать с семейством Тома Бьюкенена. Дэйзи была моей троюродной сестрой, а с Томом мы познакомились в колледже. И сразу после войны я провел с ними два дня в Чикаго.

Среди разнообразных физических достижений ее мужа выделялось одно: он был одним из самых сильных фланговых игроков, когда-либо игравших в футбол в Нью-Хэйвене, — в своем роде национальный герой, один из тех, которые в свои двадцать с небольшим достигают такой высокой вершины успеха, что все последующие достижения отдают горьким привкусом разочарования. Семья его была непомерно богата, так что даже в колледже его часто отчитывали за слишком вольное обращение с деньгами; потом он вдруг взял и переехал из Чикаго на Восток, но если рассказать вам в подробностях, как он переехал, у вас захватит дух; например, он привез с собой из Лейк Фореста всех своих пони для конного поло. Трудно было представить себе, чтобы человек моего возраста мог быть настолько богат!

По какой причине они приехали Восток, я не знаю. Они поехали во Францию без какой-либо особой цели и прожили там год, после чего

кочевали с места на место, останавливаясь ненадолго там, где собирались богатые люди и играли в игру для богатых — конное поло. Этот переезд был последним, как сказала мне Дэйзи по телефону, но я ей не поверил; я не мог проникнуть в сердце Дэйзи, но я чувствовал, что Том будет кочевать и дальше с некоторым сожалением и вечным стремлением внести в свою жизнь драматическую напряженность какого-нибудь матча из своего невозвратимого футбольного прошлого.

И вот однажды вечером, в теплую ветреную погоду, я сел в машину и отправился в Ист-Эгг, к двум старым друзьям, которых я почти даже не знал. Они жили в доме, который оказался даже еще более изысканным, чем я ожидал; это был особняк в георгианском колониальном стиле, выдержанный в веселых красно-белых тонах, с видом на бухту. Газон начинался у пляжа и тянулся на четверть мили в сторону передней двери, затем, перепрыгнув через солнечные часы и выложенные кирпичом аллеи, а также пылающие разноцветьем сады и добежав, наконец, до дома, продолжал взбираться вверх по его стене уже в виде красивых виноградных лоз, будто по инерции от своего быстрого бега. Фасад был изрезан расположенными в ряд французскими окнами, пылающими в это время отраженным сиянием золота и открытыми

настежь для теплого вечернего ветерка; на переднем крыльце, широко расставив ноги, стоял Том Бьюкенен в одежде для верховой езды.

Он изменился по сравнению с тем Томом, какого я знал в Нью-Хэйвене. Теперь передо мной стоял плотный мужчина тридцати лет с соломенного цвета волосами, немного выступающим подбородком и надменной манерой держать себя. Пара сверкающих высокомерных глаз прочно установила свое господство на его лице, придав ему агрессивный вид человека, постоянно наклоненного вперед. Даже женственный стиль его одежд не мог скрыть всей мощи его телосложения: ноги его, обутые в начищенные до блеска ботинки, распирали их так, что натягивались шнурки, и можно было видеть, как под тонким плащом играла огромная масса мышц, когда он двигал плечом. Это было тело, которое могло сдвигать горы; словом, варварски мощное тело.

Голос, каким он говорил — грубый, хриплый тенор, — усиливал впечатление человека раздражительного, которое он создавал своим внешним видом. В нем чувствовалась нотка патерналистского презрения, причем даже к тем, которые ему нравились, и в Нью-Хэйвене были те, которые его на дух не переносили.

«Не думайте, что мое слово всегда последнее, — казалось, говорил он, — только

потому, что я сильнее и больше похож на мужчину, чем вы». Мы все были студентами старшего курса, и хотя мы никогда не были с ним близкими друзьями, у меня всегда было ощущение, что он относился ко мне положительно и хотел расположить меня к себе некоторым своим грубым, дерзким сожалением.

Несколько минут мы беседовали, стоя на залитом солнцем крыльце.

— Место у меня здесь замечательное, — сказал он, постоянно водя сверкающими глазами.

Развернув меня одной рукой, он провел широкой плоской ладонью вдоль открывающейся с крыльца великолепной панорамы, включив в нее утопающий в глубине итальянский сад, пол-акра темных колючих роз и моторную лодку с загнутым носом, которую волны били о причал.

— Это все принадлежало Демейну, нефтепромышленнику. — Затем он снова развернул меня, вежливо и резко. — Пошли в дом.

Мы прошли через прихожую с высоким потолком в некое пространство в ярко-розовых тонах, хрупко очерченное с обеих сторон и вписанное в ансамбль дома французскими окнами. Окна эти были приоткрыты и ослепительно белели на фоне ярко-зеленой травы, которая, казалось, пробралась даже немного внутрь дома. Морской ветер врывается в комнату, надувал шторы, будто

бледные флаги, внутрь на одной стороне и наружу на другой, подбрасывал концы их к ступенчатому, похожему на свадебный торт матовому потолку и затем проносился над вишневым ковром, топорща на нем ворс и оставляя темный след, будто над морем.

Единственным совершенно неподвижным предметом в комнате был огромных размеров диван, на котором парили, как на привязанном аэростате, две молодые женщины. Обе они были в белом, и платья их играли мягкими складками и трепетали на них, будто они только что были занесены сюда ветром после короткого полета по дому. Я простоял, должно быть, какое-то совсем малое время, слушая это шуршание и шелканье штор, а также стон ветра за картиной на стене. Затем раздался стук: Том Бьюкенен закрыл окна во двор, и ветер, пойманный в ловушку, замер в комнате, и шторы, ковры и две молодые женщины медленно опустились на пол.

Та из них, которая моложе, была мне незнакома. Она сидела, вытянувшись во весь рост, на своем конце кресла-дивана совершенно неподвижно, подбородок ее был приподнят, будто она удерживала на нем что-то, что постоянно грозило упасть. Если она и увидела меня краем глаза, то не подала ни малейшего намека на это, и я почти растерялся от неожиданности, пробормотав

какие-то слова извинения за то, что потревожил ее, войдя в комнату.

Вторая девушка, Дэйзи, сделала попытку встать: она наклонилась немного вперед с сознанием собственного достоинства на лице, затем засмеялась каким-то абсурдным, очаровательным мелким смехом, и я также засмеялся и прошел на середину комнаты.

— Я какая-то п-парализованная от счастья!

Она снова засмеялась, будто сказала что-то очень остроумное, и задержала на мгновение мою руку в своей, подняв глаза и глядя мне прямо в лицо, чем уверяла, что никого в мире она не хотела так сильно увидеть, как меня. Такова была ее особенная манера. Шепотом она сообщила мне, что фамилия той качающейся девушки — Бейкер. (Я слышал от других, что шепотом Дэйзи говорит только для того, чтобы заставить слушателя пригнуться к ней, что я считаю несправедливой критикой, которая, однако, не делает ее менее очаровательной).

Во всяком случае, губы мисс Бейкер зашевелились, она кивнула едва заметно в мою сторону и затем быстро запрокинула голову: «предмет», который она, качаясь, удерживала в равновесии, очевидно, покачнулся, вызвав у нее что-то вроде испуга. И снова что-то похожее на извинение слетело с моих губ. Почти всякое

проявление полной самодостаточности вызывает у меня остолебенение.

Я оглянулся на свою кузину, которая начала задавать мне вопросы своим низким, вибрирующим голосом. Это был один из тех голосов, к которому ухо приковывается сразу и внимает, не отрываясь, до конца, будто каждая фраза представляет собой уникальное сочетание звуков, воспроизвести которое не удастся больше никогда. Лицо ее было печально и красиво, с яркими украшениями на нем, яркими глазами и яркими, страстными губами, однако в голосе ее было какое-то радостное возбуждение, почти незабываемое для мужчин, которым она нравилась, какая-то поющая убедительность; произносимое шепотом «Слушай!», уверяющее в том, что буквально сразу после уже рассказанного с ней еще происходили веселые и радостные события, и что в ближайший час будет еще рассказ о веселых и радостных событиях.

Я рассказал ей, что по пути на Восток я задержался на день в Чикаго и что с десяток человек передают ей через меня привет.

— Им меня не хватает? — в восторге воскликнула она.

— Пустой весь город. У всех машин левое заднее колесо покрашено в черный цвет в знак траура, а вдоль всей северной набережной

постоянно воют сирены.

— Красота! Давай вернемся назад, Том. Завтра же! Потом она неожиданно добавила: — Ты должен увидеть девочку.

— Хотелось бы.

— Она сейчас спит. Ей три годика. — Неужели ты ее никогда не видел?

— Никогда!

— Ну, тогда тебе обязательно нужно ее увидеть. Она такая...

Том Бьюкенен, который все это время кружил по комнате, вдруг остановился и положил мне руку на плечо.

— Чем занимаешься, Ник?

— Продаю облигации.

— Чьи и кому?

Я сказал ему.

— Никогда не слыхал о таких, — заметил он резко.

Это меня задело.

— Еще услышишь! — кратко ответил я. — Услышишь, если только останешься на Востоке.

— О, на Востоке я, конечно же, останусь: можешь не беспокоиться, — сказал он, посмотрев на Дэйзи и потом снова на меня, будто его тревожило что-то еще. — Я был бы полным идиотом, если бы выбрал для жизни любое другое место.

В этот момент мисс Бейкер произнесла «Точно!» настолько неожиданно, что я вздрогнул: это было первое слово, которое она произнесла с тех пор, как я вошел в комнату. Очевидно, это удивило ее саму не меньше, чем меня, так как она зевнула и, сделав несколько быстрых, ловких движений, оказалась в вертикальном положении посередине комнаты.

— У меня все уже онемело, — пожаловалась она. — Я пролежала на этом диване целую вечность.

— На меня даже не смотри, — отпарировала Дэйзи. — Я весь вечер пытаюсь вытащить тебя в Нью-Йорк.

— Нет, спасибо! — сказала мисс Бэйкер в сторону четырех коктейлей, только что внесенных в комнату из буфетной. — У меня сейчас сплошные тренировки.

Том посмотрел на нее с недоверием.

— О, да, конечно! Он опрокинул в себя коктейль, будто в стакане его было с каплю. — Как ты вообще добиваешься каких-то успехов с такими «тренировками», для меня загадка.

Я посмотрел на мисс Бейкер, гадая, в чем именно она «добивается успехов». Вид ее мне понравился. Это была стройная девушка с небольшой грудью, прямой осанкой, которую она еще больше подчеркивала, отводя плечи назад, как

молодой кадет. Ее серые, прищуренные от солнца глаза тоже смотрели на меня с вежливым взаимным любопытством с бледного, очаровательного, недовольного лица. Мне вдруг пришла в голову мысль, что или ее, или ее фотографию я уже видел где-то раньше.

— Вы ведь живете в Уэст-Эгге, — заметила она презрительно. — Я кое-кого там знаю.

— Я не знаю там ни...

— Но вы не можете не знать Гэтсби.

— Гэтсби? — переспросила Дэйзи. — Какого Гэтсби?

Прежде, чем я успел ответить, что это был мой сосед, объявили обед; властно взяв меня под руку своей мускулистой рукой, Том Бьюкенен повел меня из комнаты, будто передвигал шашку из одной клетки на другую.

Стройной, томной походкой, едва касаясь руками бедер, две молодые женщины вышли, предваряя нас, на веранду, выдержанную в розовых тонах, из которой открывался вид на закат; там стоял стол, на котором мерцали огоньки четырех свечей на затихающем ветру.

— Зачем *свечи* ??? — запротестовала Дэйзи, нахмурившись, и пальцами выдернула их. — Еще две недели, и наступит самый длинный день в году. — сказав это, она обвела нас всех сияющим взглядом. — А вы всегда ожидаете наступления

самого длинного дня в году, а потом пропускаете его? Я вот всегда ожидаю самого длинного дня в году, а потом забываю и пропускаю его.

— Нам нужно что-то запланировать на этот день, — зевнув, сказала мисс Бейкер, садясь за стол так, будто ложилась в постель.

— Прекрасно! — сказала Дэйзи. — И что мы запланируем? Она повернулась ко мне беспомощно: — А что обычно планируют люди?

Прежде, чем я смог ответить, она с ужасом в глазах уже рассматривала свой мизинец.

— Смотрите! — жалобно сказала она, — Он до сих пор у меня болит.

Мы все посмотрели на ее палец: его костяшка была иссинь-черная.

— Это все ты, Том, — сказала она осуждающе. — Я знаю, ты не хотел, но ты *сделал* это. Это мне расплата за то, что я вышла замуж за зверя, а не человека, за огромного, здоровенного сундука...

— Я не терплю это слово «сундук», — прервал Том сердито, — даже сказанное в шутку.

— Сундук! — настаивала Дэйзи.

Иногда они с мисс Бейкер говорили одновременно, ненавязчиво, ведя шутливую, легкомысленную беседу, которая никогда не превращалась в пустую болтовню и была такой же холодной, как и их белые платья и отчужденный

взгляд, выдававший отсутствие всякого желания говорить. Они присутствовали среди нас и были благосклонны к нам с Томом, лишь из вежливости делая усилие над собой, чтобы казаться веселыми, шутить или реагировать на шутки. Они знали, что скоро этот обед закончится, а немного позже и этот вечер также закончится и будет легко забыт. Совсем не так было на Западе, где вечер убивали торопливо час за часом, пока он не подходил к концу, в постоянном разочаровании от того, что он затягивается, или же в нервном страхе от переживания самого этого момента.

— Ты заставляешь меня чувствовать себя нецивилизованным, Дэйзи, — признался я после второго бокала отдающего пробкой, но весьма неплохого бордо. — Разве ты не можешь поговорить об урожае, например, или еще о чем-то?

Я не имел в виду ничего особенного под этим замечанием, но оно было воспринято совершенно неожиданным для меня образом.

— Цивилизация сейчас трещит по всем швам, — вдруг воскликнул Том с напором. — Я стал страшным пессимистом относительно того, куда все идет. Ты читал «Подъем «цветных» империй» этого молодца Годдарда?

— Н-нет, — ответил я, весьма удивленный его тоном.

— Прекрасная книга! Ее должен прочитать

каждый. Ее главная мысль в том, что если мы не будем бдительными, белая раса будет... будет полностью подчинена. Это все научные выводы; они доказаны.

— Том становится очень заумным, — сказала Дэйзи с выражением недумающей грусти. — Он читает заумные книги, в которых много длинных слов. Каким было то слово, которое мы...

— Эти книги все научные, — настаивал Том, глядя на нее с нетерпением. — Автор проработал всю эту тему. Мы, относящиеся к доминирующей расе, должны проявлять бдительность, иначе другие расы захватят контроль над всем.

— Мы должны их подавить, — прошептала Дэйзи, свирепо шурясь в сторону жаркого солнца.

— Вы, должно быть, жили в Калифорнии... — начала мисс Бейкер, но Том прервал ее, тяжело отодвинувшись в своем кресле.

— Взять хотя бы эту идею о том, что мы все — представители нордической расы: и я, и ты, и ты, и... — после бесконечно короткого, но показавшегося целой вечностью колебания он включил в это перечисление и Дэйзи легким кивком головы, и она снова подмигнула мне. — И мы же создали все то, без чего цивилизации не бывает: науку, искусство и все такое прочее. Улавливаешь суть?

Какая-то нотка грусти была в этой его

серьезности, будто его удовлетворенности собой, еще более остро ощущаемой, чем в давние времена, ему уже было недостаточно. Когда почти сразу после этой его фразы раздался телефонный звонок, и дворецкий вышел из веранды, Дэйзи мгновенно воспользовалась этой краткой паузой и наклонилась ко мне.

— Я расскажу тебе одну семейную тайну, — прошептала она с энтузиазмом. — О носе дворецкого. Ты хочешь услышать тайну о носе дворецкого?

— Именно для этого я и пришел сюда вечером.

— Ну так вот, он не всегда был дворецким; раньше он был чистильщиком серебра у одних людей в Нью-Йорке, у которых был серебряный сервиз на двести персон. Он чистил его с утра до ночи, пока от этого у него не начались проблемы с носом...

— Дела с носом становились все хуже и хуже, — предположила мисс Бейкер.

— Да. Состояние его носа становилось все хуже и хуже, так что в конце концов он вынужден был оставить свою должность.

На какое-то мгновение последние лучи солнца с романтической нежностью озарили ее сияющее лицо; голос ее был таким, что, слушая ее, я поневоле затаил дыхание и нагнулся вперед; затем

сияние стало исчезать с ее лица, неохотно и с долгим сожалением покидая его своими лучами, подобно тому, как дети покидают улицу в наступающих сумерках.

Вернулся дворецкий и прошептал что-то Тому на ухо, после чего Том нахмурился, отодвинул кресло и, не говоря ни слова, вошел в дом. В тот же миг Дэйзи пригнулась ко мне снова, будто его отсутствие оживило что-то внутри нее; голос ее звучал радостно и нараспев.

— Я так рада видеть тебя за моим столом, Ник! Ты напоминаешь мне... да, розу, настоящую розу! Разве я не права? — она повернулась к мисс Бейкер за подтверждением. — Разве он не похож на розу?

Это была неправда. Я даже и близко не похож на розу. Это была всего лишь импровизация с ее стороны, но какая-то волнующая теплота исходила от нее, будто сердце ее пыталось прорваться к вам, спрятавшись в одном из этих волнующих, произносимых с придыханием слов. Затем она вдруг бросила свою салфетку на стол и, извинившись, пошла в дом.

Мы с мисс Бейкер обменялись краткими взглядами, сознательно лишенными значения. Я уже открыл рот, чтобы начать говорить, когда она, насторожившись, выпрямилась на стуле и предостерегающе зашипела. Приглушенный

страстный шепот доходил к нам из-за двери, и мисс Бейкер, нимало не стесняясь, наклонилась вперед, пытаясь разобрать слова. Шепот этот сначала дрожал на грани еле слышимого, потом затих, потом резко усилился до возбужденного и затем полностью исчез.

— Этот мистер Гэтсби, о котором вы говорили, — мой сосед, — сказал я.

— Давайте помолчим. Я хочу слышать, что там происходит.

— А что, что-то происходит? — спросил я невинно.

— Вы хотите сказать, что вы не в курсе? — сказала мисс Бейкер, искренне удивившись. — Я думала, все уже знают.

— Я — нет.

— Ну как же..., — произнесла она нерешительно. — У Тома есть одна женщина в Нью-Йорке.

— Женщина? — повторил я безучастно.

Мисс Бейкер кивнула.

— Она могла хотя бы из чувства приличия не звонить ему во время обеда. Вы так не считаете?

Прежде, чем до меня дошел смысл ее слов, послышался шелест платья и хруст кожаных ботинок, и Том с Дэйзи уже снова были за столом.

— Было просто невозможно усидеть на месте! — воскликнула Дэйзи с натянутой

веселостью.

Она села, посмотрела испытующим взглядом сначала на мисс Бейкер, потом на меня, и продолжила: — Я вышла на воздух на минутку, и там так романтично, на воздухе! На газоне сидит какая-то птичка — я думаю, соловей, добравшийся сюда на пароход Кьюнарда или «Уайт Стар Лайн». Он так красиво поет... — И далее нараспев: — Это та-а-к романтично, не правла ли, Том?

— Очень романтично, — ответил он ей, и затем скорбным голосом произнес в мою сторону: — Если еще будет светло после обеда, я хочу показать тебе конюшни.

В доме пугающе зазвонил телефон, и по тому, как решительно Дэйзи замахала головой Тому, я понял, что тема конюшен отпала сама собой, как, впрочем, и все остальные темы. Из отдельных фрагментов последних пяти минут, проведенных за столом, я помню только то, что были зачем-то снова зажжены свечи, и то, как я хотел заглянуть прямо в глаза всем и избежать при этом их взглядов. Я не мог сказать, о чем в тот момент думали Том и Дэйзи, но я сомневаюсь, чтобы даже мисс Бейкер, которая, похоже, уже выработала в себе определенный невозмутимый скепсис, смогла полностью стереть впечатление от пронзительного металлического настойчивого звона этого пятого гостя. Возможно, кому-то эта ситуация и

показалась бы интригующей; моим же инстинктивным порывом было немедленно позвонить в полицию.

О лошадях, понятно, уже не могло быть и речи. Том и мисс Бейкер, держа в сумерках дистанцию в несколько футов друг от друга, проследовали обратно в библиотеку, будто для дежурства у постели какого-то вполне реального тела, тогда как я, пытаясь выглядеть приятно заинтересованным и немного глуховатым, проследовал за Дэйзи по цепи соединяющих отдельные части дома веранд к переднему крыльцу. В его темном мраке мы сели друг возле друга на плетеном канапе.

Дэйзи обхватила лицо руками с двух сторон, будто ощупывая его красивые очертания, постепенно всматриваясь в густые сумерки. Я видел, что в ней бушевала буря чувств, поэтому я задал ей несколько, как мне казалось, успокоительных вопросов о ее маленькой девочке.

— Мы ведь совершенно не знаем друг друга, Ник, — неожиданно произнесла она, — даже несмотря на то, что мы кузены. Ты не пришел на мою свадьбу.

— Я тогда еще не вернулся с войны.

— Ах, да. — Она замолчала. — Мне сейчас очень тяжело на душе, Ник, и я очень цинично отношусь ко всему.

Очевидно, она имела хорошую причину быть циником. Я молчал, ожидая, что она скажет что-то еще, но, не дождавшись, довольно осторожно вернулся к теме ее дочери.

— Я так думаю, что она уже хорошо говорит, а также ест... ну, и все прочее.

— О, да, конечно. — Она посмотрела на меня отсутствующим взглядом. — Послушай, Ник; хочешь, я тебе сейчас скажу, какие я произнесла слова, когда она только родилась? Хочешь узнать?

— Очень даже!

— Из этого ты поймешь, каким образом у меня сложилось такое отношение к... вообще ко всему. Это было, когда ей не было еще и часа после родов, а Том был в это время бог знает где. Я пришла в себя после эфира с чувством полной оставленности и сразу же спросила медсестру, мальчик родился или девочка. Она сказала мне, что девочка, и как только я это услышала, я отвернулась к стенке и заплакала. — Что ж, — сказала я, — я рада, что девочка. И я надеюсь, что она будет душой — это лучшее, кем может быть девушка в этом мире: милой маленькой дурочкой.

— Дело в том, что я считаю, что все в этом мире ужасно так или иначе, — продолжала она убежденно. — И так считают все, даже самые передовые люди. А я это *знаю*. Я побывала везде, видела все и прошла через все. Глаза ее вызывающе

сверкали во тьме, в точности, как у Тома, и она засмеялась нервным, презрительным смехом. — Это жизненный опыт! Боже, это же настоящий жизненный опыт!

Как только ее голос умолк, перестав приковывать к себе мое внимание, мое доверие, в тот же миг я почувствовал принципиальную неискренность во всем том, что она говорила. Я почувствовал себя неловко, будто весь этот вечер был неким трюком, специально разыгранным для того, чтобы вызвать во мне чувство участия. Я выжидательно молчал, и через мгновение мои догадки получили подтверждение: она уже смотрела на меня с самодовольной улыбкой на своем миловидном лице, будто только что доказала свое право на членство в некоем весьма утонченном тайном обществе, к которому они с Томом принадлежали.

В доме выдержанная в темно-красных тонах комната сияла, залитая светом. Том с мисс Бейкер сидели на разных концах длинного дивана; она читала ему вслух из «Сэтердэй Ивнинг Пост»: слова, произносимые монотонно и без интонации, сливаясь, журчали успокоительным потоком. Свет от лампы, ярко отражаясь от его ботинок и тускло — от ее желтых, как осенние листья, волос, скользил по газете, когда она переворачивала

страницу, трепетавшую в ее тонких руках.

Когда мы вошли, она на мгновение подняла руку, дав нам знак помолчать.

— Продолжение читайте, — сказала она, швырнув журнал на стол, — в нашем ближайшем номере.

Ее тело заявило о себе беспокойным движением колена, и она встала.

— Уже десять часов, — заметила она, очевидно, увидев время на потолке. — Пора уже этой замечательной девушке идти спать.

— Джордан завтра играет в турнире, — пояснила Дэйзи, — в Вестчестере.

— О, так вы — Джордан Бейкер!

Теперь я понял, почему мне ее лицо показалось таким знакомым: это миловидное лицо презрительно смотрело на меня со многих ротографюр спортивной жизни в Эшвилле, Хот Спрингсе и Палм-Бич. Я также слышал, что о ней рассказывали какую-то историю, что-то такое неодобрительное и неприятное, но что именно, я давно забыл.

— Спокойной ночи! — сказала она тихо. — Разбуди меня в восемь, хорошо?

— Если ты еще встанешь.

— Встану. Спокойной ночи, мистер Каррауэй. Еще увидимся.

— Конечно, увидите, — подтвердила

Дэйзи. — Я даже думаю организовать свадьбу. Приходи сюда почаще, Ник, и я буду... создавать вам обстановку: что-то наподобие этого. Ну, там, закрою вас случайно в бельевом шкафу в лодке и вытолкну вдвоем в море, и все такое прочее...

— Спокойной ночи, — крикнула мисс Бейкер с лестницы. — Я не расслышала ни слова.

— Славная девушка, — сказал Том через мгновение. — Им не следовало ее отпускать, чтобы она вот так болталась по стране.

— Кому не следовало? — холодно поинтересовалась Дэйзи.

— Ее близким.

— Ее близкие — это одна тетка, которой уже тыща лет. Кроме того, Ник будет присматривать за ней, не так ли, Ник? Этим летом она здесь очень часто будет на выходных. Думаю, домашняя обстановка окажет на нее самое благоприятное воздействие.

Дэйзи и Том молча переглянулись.

— Она из Нью-Йорка? — спросил я.

— Из Луисвилля. — Наше белоснежное девичество прошло там. Наше прекрасное белокожее...

— Ты что, устроила Нику маленькую задушевную беседу на веранде? — неожиданно спросил Том.

— Разве? — Она посмотрела на меня. — Я

сейчас не помню, но, по-моему, мы говорили о нордической расе... Да! Точно: о нордической расе. Она как-то сама заговорила в нас, ну и мы... увлеклись.

— Не верь всему, что слышишь, Ник! — посоветовал он мне.

Я ответил безразлично, что вообще ничего не услышал, и уже через несколько минут встал, чтобы идти домой. Они подошли вместе со мной к двери и стали друг возле друга на ярком пятачке света. Когда я завел мотор, Дэйзи повелительно окликнула меня:

— Подожди! Я забыла спросить у тебя кое о чем, а это важно. Мы слышали, что ты помолвлен с какой-то девушкой на Западе.

— Вообще да, — подтвердил Том добродушно. — Мы слышали, что ты помолвлен.

— Это клевета! Я для этого слишком беден.

— Но мы об этом слышали! — настаивала Дэйзи, удивив меня тем, что оживилась снова, как внезапно раскрывшийся цветок. — Мы слышали об этом от трех разных людей, так что это должно быть правдой.

Конечно же, я знал, на что они намекают, но это даже близко нельзя было назвать помолвкой. Как раз то, что злые языки разнесли это по всей округе, и было одной из причин, по которым я подался на Восток. Невозможно перестать

встречаться с давней подружкой из-за слухов, а с другой стороны, у меня не было никакого намерения пойти на поводу у слухов и жениться.

Их интерес хоть и весьма тронул меня и несколько сократил дистанцию между моим положением и их богатством, тем не менее, я уезжал от них озадаченный и с каким-то неприятным осадком в душе. На мой взгляд, первое, что должна была сделать Дэйзи, — это схватить ребенка и убежать из дома, но, очевидно, таких намерений в голове у нее не было. Что касается Тома, то тот факт, что «у него есть какая-то женщина в Нью-Йорке», на самом деле удивлял меньше, чем тот факт, что какая-то книга вызвала у него упадническое настроение. Что-то заставляло его хвататься за плесневелый сухарь устаревших идей, будто самомнение от своего крепкого физического телосложения перестало питать его высокомерное сердце.

Глубокое лето уже наступило, судя по крышам придорожных гостиниц и площадкам перед придорожными гаражами, на которых стояли новенькие красные бензоколонки в кругах света от фонарей, и, доехав до моего поместья в Уэст Эгге, я загнал машину под навес и присел на минутку на оставленный во дворе каток для газона. Ветер отрубил свое, оставив после себя наполненную громкими звуками, ясную ночь с хлопаньем

крыльев в ветвях деревьев и неумолчным органическим звуком квакающих лягушек, будто непрерывно выдуваемых землей из своих наполненных мехов. В лунном свете появилась движущаяся тень от бегущей кошки и, повернув голову, чтобы проследить за ней, я увидел, что я не один: в пятидесяти футах от меня из тени особняка моего соседа вынырнула фигура человека, который остановился и, засунув руки в карманы, стал неподвижно смотреть на серебристые блески звезд. Что-то в его неспешных движениях и твердо стоящих на газоне ногах было такое, что говорило мне, что это сам мистер Гэтсби, который вышел на открытый воздух, чтобы определить, какая доля наших местных небес принадлежит ему.

Я решил его окликнуть. Мисс Бейкер упоминала о нем за обедом, и этого было бы достаточно для первого знакомства. Однако я его не окликнул, так как внезапно он подал знак, что его вполне устраивает одиночество: он как-то любопытно вытянул руки по направлению к темной воде и, несмотря на расстояние, с которого я за ним наблюдал, я мог бы поклясться, что он дрожал. Я невольно перевел взгляд в сторону моря, и не увидел там ничего, кроме одинокого зеленого огонька, маленького и далекого, который вполне мог быть фонарем, обозначающим конец причала. Когда я посмотрел еще раз в сторону Гэтсби, он

уже исчез, и я опять оказался один в беспокойной темноте.

ГЛАВА 2

Примерно на половине пути между Уэст-Эггом и Нью-Йорком шоссе резко примыкает к железной дороге и бежит рядом с ней с четверть мили, чтобы уклониться от одного унылого участка земли. Это долина угольной золы — фантастическая ферма, где угольная зола врастает, как пшеница, в горные хребты, холмы и в нелепые сады, где он принимает форму домов, дымовых труб и восходящего дыма и, наконец, с неким трансцендентным усилием, также людей, которые движутся и уже распадаются в тусклом мареве пыльного воздуха. Изредка вереница серых вагонеток проползет по невидимой колее, издаст страшный скрип и остановится, и тотчас серые от золы люди начинают копошиться, поднимая своими тяжелыми лопатами непроницаемую для света тучу пыли, которая застилает от вашего взора их непонятные действия.

Однако над этой серой землей и клубами гнетущей пыли, бесконечно тянущимися над ней, через какое-то время вы замечаете глаза Доктора Т. Экльберга. Глаза доктора Т. Экльберга голубые и огромные, высотой в целый ярд. Глаза эти без лица,

и смотрят они из пары огромных желтых очков над несуществующим носом. Очевидно, какой-то большой шутник-окулист установил их там, чтобы расширить свою практику в городке Квинс, и затем сам погрузился в вечную слепоту, или, забыв о них, переехал в другое место. А его глаза, немного потускневшие от многих дней без обновления краски под солнцем и дождем, остались нависать над этой жуткой помойкой.

Долина угольной золы выходит одной стороной на маленькую грязную речку, и когда мост через нее поднимают, чтобы пропустить баржи, пассажиры в стоящих поездах имеют возможность разглядывать во всех подробностях этот унылый ландшафт примерно с полчаса. На подходе к тому месту поезд всегда делает остановку длительностью не менее минуты, и именно благодаря этой остановке я впервые встретился с любовницей Тома Бьюкенена.

В том, что у него есть любовница, меня уверяли везде, где его только знали. Его знакомые неодобрительно высказывались по поводу того, что он имеет привычку появляться с ней в дешевых ресторанах, и, усадив ее за столик, фланировать вокруг, заводя беседы со всяким, кого он знает. Хоть мне и было интересно посмотреть на нее, желания встречаться с ней я не испытывал; и все же встретиться с ней мне пришлось. Однажды вечером

я с Томом отправился на поезде в Нью-Йорк, и когда мы остановились возле этих зольных куч, он вскочил на ноги и, взяв меня за локоть, буквально вытолкнул меня из вагона.

— Мы выходим, — настаивал он. — Я хочу тебе показать мою девушку.

Я думаю, он хорошенько принял на грудь за завтраком, так как то упорство, с каким он удерживал меня при себе, граничило с насилием. В качестве довода он высокомерно утверждал, что в воскресенье вечером я все равно никакого лучшего занятия себе придумать не могу.

Я перемахнул следом за ним через низкий побеленный станционный забор, и мы прошли около сотни ярдов назад вдоль дороги под пристальным взглядом Доктора Экльберга. Единственным строением в поле видимости был маленький домик из желтого кирпича, стоящий на краю пустыря, к которому вела улочка — что-то типа Бродвея в миниатюре, за которым простирался сплошной пустырь. Одна из трех мастерских, стоявших на ней, сдавалась в аренду, в другой находился ночной ресторан, к двери которого вела тропинка, покрытая золой; в третьей был гараж с вывеской: «Авторемонт. Джордж Б. Уилсон, Автомобили. Покупка и продажа»; и я вслед за Томом вошел туда.

Внутри царили заброшенность и пустота;

единственной машиной в поле зрения был припавший пылью разбитый «Форд» без колес, жавшийся в темном углу. Мне стало казаться, что эта пародия на гараж, должно быть, ширма, за которой скрываются роскошные и романтические апартаменты, когда вдруг сам собственник появился на пороге конторы, вытирая руки о кусок какой-то тряпки. Это был светловолосый, невыразительного вида человек, худой и где-то даже немного красивый. Когда он увидел нас, в его светло-голубых глазах блеснул робкий лучик надежды.

— Привет, Уилсон, старик! — сказал Том, хлопая его весело по плечу. — Как идут дела?

— Не жалуюсь, — ответил Уилсон как-то неубедительно. — Когда ты уже продашь мне тот автомобиль?

— На следующей неделе; я дал команду, и сейчас им занимается мой человек.

— Что-то очень медленно он работает, не кажется тебе?

— Нет, не кажется, — ответил Том холодно. — Но если тебе так кажется, то, может, лучше я продам его кому-нибудь другому, в конце концов?

— Нет-нет, я не это хотел сказать, — поспешил ответить Уилсон. — Я просто имел в виду, что...

Его голос затих, и Том с нетерпением окинул взглядом гараж. Затем я услышал шаги на лестнице, и через мгновение полноватый женский силуэт заслонил собой просвет в двери конторы. Это была женщина лет тридцати пяти, немного полноватая, однако из тех, которые умеют носить на себе свою пышную плоть чувственно. Лицо ее на фоне платья из темно-синего крепдешина в горошек отнюдь не сияло красотой, однако вокруг нее мгновенно ощущалась какая-то жизненность, будто нервы ее тела постоянно вибрировали, как натянутые струны. Она медленно улыбнулась и, пройдя сквозь своего мужа, будто он был призрак, пожала руку Тому, глядя ему прямо в глаза. Потом, облизав губы и не поворачиваясь, сказала своему мужу тихим, резким голосом:

— Чего стоишь? Принеси сюда стулья, может, кто-то захочет сесть.

— О, да, конечно! — быстро согласился Уилсон и направился в сторону маленькой конторы, мгновенно смешавшись с цементным цветом стен. Белая зольная пыль покрывала его темный костюм и светлые волосы, как, собственно, и все вокруг, кроме его жены, которая в этот момент подошла очень близко к Тому.

— Я хочу тебя видеть, — сказал Том напряженным голосом. — Садись на следующий поезд и приезжай.

— Хорошо.

Я буду ждать тебя у газетного киоска в нижнем ярусе.

Она кивнула и отошла от него как раз в тот момент, когда из двери конторы появился Джордж Уилсон с двумя стульями в руках.

Мы ждали ее на дороге в неприметном месте. Это было за несколько дней до Четвертого июля, и серый, сухопарый итальянский мальчик устанавливал петарды в ряд вдоль железнодорожного полотна.

— Ужасное здесь место, не правда ли? — сказал Том, обменявшись хмурым взглядом с Доктором Экльбергом.

— Жуткое.

— Ей лучше, когда она уезжает отсюда.

— Разве муж ее не возражает?

— Кто, Уилсон? Он думает, что она ездит в Нью-Йорк к своей сестре. Он настолько тупой, что даже не знает, что он живой.

Так Том Бьюкенен со своей девушкой и я вместе приехали в Нью-Йорк — или не совсем вместе, поскольку миссис Уилсон села для скромности в другой вагон: до такой степени Том снисходил к чувствам тех жителей Ист-Эгга, которые могли быть в поезде вместе с ним.

В Нью-Йорке, когда Том подал ей руку, чтобы помочь выйти на перрон, она выходила из вагона

уже в коричневом кружевном кисейном платье, которое плотно облегалo ее довольно широкие бедра. В газетном киоске она купила номер «Городских сплетен» и журнал о кино, а в аптекарском магазине на вокзале — тюбик кольдкрема и маленький пузырек духов. Поднявшись по лестнице наверх, где под большим гулким навесом проезжали такси, она пропустила четыре машины, прежде чем выбрала новую, с запахом лаванды в салоне с серой обивкой, и в ней мы выскользнули из нависающей тени вокзала на сияющий солнечный свет. Однако, тотчас оторвавшись от окна, она наклонилась вперед и постучала по переднему стеклу.

— Я хочу купить одну из этих собачек, — сказала она на полном серьезе. — Для квартиры. Хорошо иметь в квартире собачку.

Мы сдали назад, подъехав к седому старику, который мне показался до абсурда похожим на Д. Рокфеллера. В корзине, свисавшей с его шеи, жались друг к другу с десятков совсем маленьких щенков неопределенной породы.

— Какой они породы? — спросила миссис Уилсон с живым интересом, когда он подошел к окну такси.

— Здесь разные. Какую породу вы желаете, леди?

— Я хотела бы приобрести одну из этих

полицейских овчарок; наверно, у вас нет таких?

Старик с сомневающимся видом заглянул в корзину, запустил туда руку и достал за холку одного щенка, который извивался у него в руке.

— Это не полицейская овчарка, — сказал Том.

— Нет, это, конечно, не чистая *полицейская овчарка*, — сказал старик с разочарованием в голосе. — Это больше эрдельтерьер. Он провел рукой по коричневой махровой шерсти холки. — Взгляните на эту шерсть. Посмотрите, какая она длинная. Эта собака никогда не будет беспокоить вас простудами.

— Ой, она такая миленькая! — сказала миссис Уилсон восторженно. — Сколько за нее?

— За эту собаку? — он посмотрел на нее восхищенно. — За эту собаку я прошу десять долларов.

Эрдель — несомненно, в нем было что-то от эрдельтерьера тоже, хотя лапы его были ужасающе белыми, — перешел из рук в руки и улегся на коленях у миссис Уилсон, которая с восторгом принялась гладить простудоустойчивую шерсть.

— Это мальчик или девочка? — спросила она деликатно.

— Эта собака? Это мальчик.

— Это сука, — сказал Том решительно. — Вот тебе деньги; пойди и купи на них еще десять таких щенков.

Мы подъехали к Пятой Авеню, которая представляла собой настолько теплый, мягкий, почти пасторальный ландшафт в этот летний воскресный вечер, что я бы не удивился, если бы увидел большую отару овец за углом.

— Притормози, — сказал я, — я должен проститься с вами здесь.

— Ничего ты не должен! — тут же возразил Том. — Миртл обидится, если ты не зайдешь к нам в квартиру. Не так ли, Миртл?

— Едем! — скомандовала она. — Я позвоню моей сестре Кэтрин. Она очень красивая девушка по словам тех, кто не может не разбираться в красоте.

— Нет, я хотел бы зайти, но...

Мы поехали дальше, снова сокращая путь через парк по направлению к Западной сотне кварталов. На 158-й улице машина остановилась у одного «ломтя» в длинном ряду нарезанного на ломти белого «торта» из многоквартирных домов. Окинув окрестность царственным взглядом жителя, возвращающегося домой, миссис Уилсон взяла в охапку свою собачку и прочие покупки и надменной походкой вошла в дом.

— Я хочу позвать семейство Мак-Ки, — объявила она, когда мы поднимались в лифте. — И, конечно же, я должна позвать и свою сестру также.

Квартира находилась на последнем этаже и

состояла из маленькой гостиной, маленькой кухни, маленькой спальни и ванной комнаты. Гостиная была заставлена до самых дверей обитым гобеленами мебельным гарнитуром, несуразно большим для нее, так что двигаться по ней означало постоянно наткаться на картины девушек, прохаживающихся в садах Версаля. Из картин единственной была увеличенная до размытости фотография какой-то курицы, сидящей на размытом пятне скалы. Однако, если отойти и посмотреть на нее издали, курица превращалась в дамскую шляпку, из-под которой в комнату сверху вниз грозно смотрело лицо толстой пожилой дамы. На столе лежало несколько старых номеров «Городских сплетен» рядом с романом «Симон, называемый Петром», а также несколькими небольшими скандальными журналами Бродвея. Первым делом миссис Уилсон уделила внимание собаке. Апатичный мальчик-лифтер принес коробку, в которой было полно соломы и немного молока, и в которую он по собственной инициативе положил еще банку с большими и черствыми собачьими галетами, одна из которых безуспешно растворялась в блюде с молоком весь вечер. Тем временем Том достал бутылку виски из запирающегося бюро.

За всю мою жизнь я напивался всего два раза, и второй раз — в тот вечер, поэтому все, что там

происходило, покрыто для меня какой-то темной, туманной дымкой, хотя и после восьми вечера квартиру продолжал заливать яркий солнечный свет. Сидя на коленях у Тома, миссис Уилсон позвонила нескольким людям по телефону; потом кончились сигареты, и я вышел за ними в аптекарский магазин на углу. Когда я вернулся, их в гостиной уже не было, и я осторожно сел в углу и прочел главу из «Симона, называемого Петром», и я не скажу вам, что это было: то ли какое-то совершенно жуткое чтиво, то ли это виски так исказили мое восприятие, потому что то, что я прочел, совершенно не укладывалось в мое представление о вещах.

Как только Том с Миртл (а после первого выпитого бокала мы с миссис Уилсон стали называть друг друга по имени) вновь появились в гостиной, в квартиру стали приходить гости.

Сестра ее Кэтрин была стройной, светской девушкой лет около тридцати с пучком упрямых, жестких, рыжих волос и с напудренным до молочно-белого цвета лицом. Брови у нее были выщипаны и поверх них нарисованы другие под более сексапильным углом, однако усилия природы по восстановлению прежнего угла придавали ее лицу какой-то смазанный вид. Движение ее по комнате сопровождалось непрерывным щелканьем керамических подвесок на бесчисленных браслетах,

которыми были обвешаны ее руки. Она вошла с такой хозяйской поспешностью и осмотрела мебель вокруг себя с таким хозяйским видом собственника, что я подумал, что она здесь живет. Но, когда я спросил ее об этом, она расхохоталась, повторила мой вопрос и потом сообщила мне, что живет с подругой в гостинице.

Мистер Мак-Ки был бледным, женоподобным мужчиной из квартиры этажом ниже. Он только что побрился, о чем говорило белое пятно пены на его щеке; весьма галантно он поприветствовал каждого из находившихся в комнате. Он сообщил мне, что принадлежит к «цеху художников», и позднее я догадался, что он фотограф и что именно он сделал это размытое увеличенное изображение матери миссис Уилсон на стене, которое витало в комнате подобно эктоплазму. Его жена была навязчивой, неинтересной, статной на вид и ужасно скучной. Она сообщила мне с гордостью, что ее муж сфотографировал ее уже сто двадцать семь раз с тех пор, как они поженились.

Миссис Уилсон сменила свой наряд незадолго до этого и теперь была одета в изящное вечернее платье из шифона кремового цвета, который издавал постоянный шелест, когда она фланировала по комнате. Со сменой платья ее личность также претерпела некоторое изменение. Та напряженная жизненность, которая так заметна была в ней в

гараже, теперь превратилась в показательную надменность. Ее смех, ее жесты, ее высказывания с каждым мгновением становились все более и более навязчиво неестественными, и по мере того, как ее становилось все больше и больше, комната вокруг нее уменьшалась в размерах до тех пор, пока не стало казаться, что она вращается на каком-то шумном, скрипучем стержне в дыму атмосферного воздуха.

— Моя дорогая, — говорила она своей сестре громким, кричаще-жеманным голосом, — в большинстве своем эти доктора каждый раз стараются нагреть на тебе руки. В голове у них только деньги. Вот на прошлой неделе я вызывала к себе сюда одну даму, чтобы она обследовала мои ноги, так когда я глянула на счет, который она мне выписала, можно было подумать, что она мне как минимум вырезала аппендицит.

— Как фамилия этой женщины? — спросила миссис Мак-Ки.

— Миссис Эберхардт. Она ходит по домам и обследует людям ноги на дому.

— Мне нравится ваше платье, — заметила миссис Мак-Ки. — Думаю, оно просто прелестно!

Миссис Уилсон отвергла комплимент, презрительно приподняв брови.

— Это платье?! Да это всего лишь старая-престарая тряпка, — сказала она. — Я

иногда натягиваю ее, когда мне безразлично, как я выгляжу.

— Но оно смотрится на вас великолепно, если, конечно, вы понимаете, что я имею в виду, — продолжила миссис Мак-Ки. — Если бы Честер смог вас заснять в этой позе, я думаю, он мог бы что-то из нее сделать.

Мы все молча посмотрели на миссис Уилсон, которая убрала с глаз упавшую прядь волос и посмотрела на нас с сияющей улыбкой. Мистер Мак-Ки посмотрел на нее пристально, склонив голову набок, затем медленно провел рукой вперед-назад перед своим лицом.

— Мне нужно поменять свет, — сказал он через мгновение. — Я хотел бы выявить черты лица моделировкой. И я также попытаюсь захватить весь объем волос сзади.

— А я бы не меняла свет, — воскликнула миссис Мак-Ки. — Я бы...

Ее муж шикнул на нее, и мы все снова уставились на «модель», после чего Том Бьюкенен громко зевнул и встал на ноги.

— Вы, супруги Мак-Ки, почему-то ничего не пьете, — сказал он. — Прикажи принести еще льда и минеральной воды, Миртл, пока все еще не пошли спать.

— Я же говорила этому гарсону принести лед! — Миртл подняла брови в отчаянии от

неповоротливости этих представителей низшего сословия. — Ох, уж эти слуги! Их все время нужно подгонять.

Она посмотрела на меня и отчего-то засмеялась. Потом она бросилась к собаке, поцеловала ее с большим чувством и поплыла на кухню с таким видом, будто с десяток шеф-поваров ждут там ее распоряжений.

— Мне удалось отснять несколько великолепных вещей на Лонг-Айленде, — заверил мистер Мак-Ки.

Том посмотрел на него безучастно.

— Две из них мы уже вставили в рамки внизу.

— Две — из чего? — спросил требовательно Том.

— Из наших фоторабот. Одну из них я называю «Мыс Монток. Чайки», а вторую я называю «Мыс Монток. Море».

Сестра Кэтрин присела возле меня на диван.

— Вы тоже живете там, на Лонг-Айленде? — поинтересовалась она.

— Я живу в Уэст-Эгге.

— Неужели? Я была там на одной вечеринке с месяц тому назад. У человека по фамилии Гэтсби. Вы знаете его?

— Я его сосед.

— Говорят, что он племянник или кузен кайзера Вильгельма. Вот откуда происходят все его

деньги.

— Неужели?

Она кивнула.

— Я боюсь его. Я бы не хотела, чтобы он что-нибудь узнал обо мне.

Этот захватывающе информативный рассказ о моем соседе был прерван миссис Мак-Ки, которая вдруг громко произнесла, указав на Кэтрин:

— Честер, я думаю, ты смог бы кое-что сделать с *ней*, — затараторила она, однако мистер Мак-Ки только устало кивнул головой в ее сторону и повернулся к Тому.

— Я бы еще поработал на Лонг-Айленде, если бы смог достать туда пропуск. Я прошу только об одном: чтобы мне дали старт.

— А вот, попросите Миртл об этом, — сказал Том, громко рассмеявшись, когда миссис Уилсон вошла в комнату с подносом. — Она даст вам рекомендательное письмо; ты ведь дашь, не так ли, Миртл?

— Я? Дам? Что я дам? — спросила она испуганно.

— Ты дашь Мак-Ки письмо-представление на имя твоего мужа, чтобы он смог сделать несколько фоторабот с ним. — Его губы беззвучно шевелились какое-то мгновение, пока он придумывал название фоторабот: «*Джордж Б. Уилсон у бензоколонки*», или как-то так.